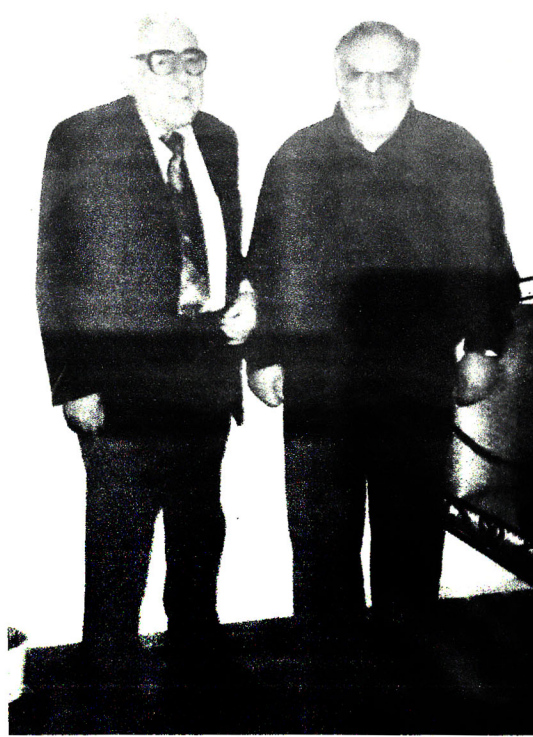

НОСТАЛЬГИЯ ПО РУСТАМУ ИБРАГИМБЕКОВУ

В молодые годы Анар носил бороду, а Рустам Ибрагимбеков предпочитал чисто побритое лицо, но в более зрелом возрасте: все наоборот, теперь уже Рустам Ибрагимбеков отпустил бороду, а Анар предпочел чисто выбритое лицо.

Прилетаю в Домодедово, еду к Гостевому дому нашего посольства. За окнами машины сильно изменившийся город, с рекламами на непривычной для Москвы латинице.

Устраиваюсь в гостинице, захожу в номер, сразу поднимаю трубку и звоню:

- Здравствуй, Рустам! Как ты?
- Привет. Когда прилетел?
- Только что.
- Отлично, давай завтра встретимся.

Завтра не встретимся, Рустам. Вот уже год, как тебя не стало, и я просыпаюсь от ностальгического сна, в котором ты - живой.

Мы были знакомы 63 года. Плюс к тем двум годам (1962-1964), когда мы с твоим братом Максудом учились на сценарных курсах в Москве и Максуд познакомил нас, и тем двум годам

(1971-1972), когда я вместе с тобой обучались в режиссерской мастерской, в той же Москве, и еще двум годам (1989-1991), когда оба были народными депутатами СССР - после и между - мы почти каждый месяц встречались во времена моих наездов в Москву или твоих приездов в Баку.

На исходе 1962 года - так называемого "периода оттепели", на одной из его последних волн мы с Максудом поступили на Высшие сценарные курсы. Здесь в то время - самая волномыслящая, самая интересная аудитория Москвы. Здесь преподают самые крупные мастера советского кино. Здесь самые задиристые слушатели со всех концов Союза, со всех республик, молодые люди, уверенные в собственной правоте, в собственных способностях перевернуть если и не мир, то по крайней ме-

ре отечественный кинематограф. И здесь перед нами раскрывается неисчерпаемое и, увы, неизвестное, недоступное нам до той поры богатство мирового экрана.

Вот-вот начнется просмотр фильма и Максуд привел тебя, московского аспиранта, готовящегося защитить диссертацию по какой-то мудреной и навсегда недоступной моему пониманию кибернетической теме, человека, казалось бы, из совершенно другого мира, имеющего отношение к кино лишь в качестве зрителя. И понадобилось всего лишь два года, чтобы ты уже при следующем наборе сценарных курсов оказался в числе слушателей, и еще два года, чтобы ты доказал не только свое право "учиться" на кинематографиста, но и свою способность быть одним из самых интересных сценаристов

страны. Диссертацию по кибернетике ты не защитил, написал киноповесть "На 9-й Хребтовой", и в стремительно молниеносном темпе не вошел - ворвался в кинематографическую, а затем и литературную, театральную жизнь страны. Страны, которая когда-то называлась Советским Союзом. Но вместе с успехами в творчестве, престижными премиями и высокими наградами были и годы непонимания, недоброежелательства, элементарной зависти. Ты со своим мужским характером, верностью друзьям, подвижническим отношением к своей работе преодолел все трудности. И я рад и горд, что все эти годы мы были рядом. Долгая и ничем не омраченная дружба между людьми одной профессии - не самое частое явление в жизни. Я счастлив, что ничто и никогда не омрачили наши долгие дружеские отношения. Мы порой говорили друг другу то, в чем были не согласны друг с другом. Но в дни испытаний в судьбе каждого из нас мы были вместе. Не было ни одного случая, когда ты, Рустам, как бы проявил отстраненность в каких-то важных для меня общественных ситуациях. Смее надеяться, что и я поступал так же в отношении тебя.

Мне очень не хватает ушедших друзей, Рустам. Круг одиночества, в котором были самые близкие люди, все сужается и сужается. Теперь я встречаюсь с ушедшими друзьями лишь в редких сновидениях - с Эмином, Аразом, Юсифом, Вагифом, Таиром, Тогрулом, Расимом Алиевым, Расимом Оджаговым, Рафигом Гусейновым, Фикретом Годжа, Азером Мустафазаде - с твоими и моими друзьями.

Еще раз повторю свою излюбленную мысль: одних друзей отняла смерть, других - жизнь. Ничто - ни жизнь, ни смерть не могут стусевать твой яркий образ в моей памяти и в моих снах, Рустам.

Прощай и здравствуй, дорогой друг!

АНАР